

Укрой меня

Глава 1

Звенит будильник, но я уже проснулся, лежу с закрытыми глазами. Сил никаких. Дает о себе знать позавчерашняя тренировка: мышцы болят при малейшем движении, тело будто налито свинцом. Ядовитым.

Голова раскалывается.

Будильник трезвонит и трезвонит. Да ну его! Разминаю мышцы шеи и слышу собственный стон. Будильник все не замолкает. Стену рядом с моей головой сотрясает удар, и Адам приглушенно орет, чтобы я заткнул чертов будильник.

— Каждое утро! — кричит он. — Каждое утро! Ей-богу, Кенджи, я его разобью!

— Ладно, — бурчу себе под нос. — Ладно. Успокойся.

— *Выключи его!*

Я резко и шумно вдыхаю. Вслепую хлопаю по будильнику, пока тот не замолкает. Мы на базе, наконец-то получили по комнате, однако я так и не нашел тишины. Или уединения. Стены здесь тонкие, как бумага, да и Адам не изменился ни на йоту. Такой же мрачный. Ни капли юмора. Всегда раздраженный.

Порой не понимаю, как мы вообще могли подружиться.

Я медленно, через силу, принимаю сидячее положение. Тру глаза, прокручивая в уме список дел на сегодня, и вдруг с ужасом...

Вспоминаю, что произошло вчера.

Черт!

Столько драмы, и все в один день! Нет, лучше по порядку.

Похоже, у Джульетты есть сестра-потеряшка. Кажется, Уорнер ее пытал. Джульетта разругалась с Уорнером и с криком убежала. Уорнера свалил приступ панической атаки. Заявилась его бывшая. Дала ему пощечину. Джульетта напилась. Нет, не так — Джей напилась и обкорнала волосы. Потом я увидел Джульетту в нижнем белье — никак не могу выкинуть из головы эту картинку — и, будто этого мало: поздним вечером, после ужина, я совершил кое-что очень, очень глупое.

Сжимаю голову ладонями и, вспоминая, ненавижу себя. Мне так стыдно, даже больно! Делаю еще один глубокий вдох. Заставляю себя поднять голову. Прогнать мысли.

Еще не конец.

У меня есть комната — маленькая, но своя, с окном и видом на промышленную электроподстанцию. В комнате — стол. Кровать. Туалет. Ванная комната — на этаже, на несколько человек, что меня совсем не напрягает. Ведь собственная комната — роскошь, которой никогда прежде у меня не было. Здорово, что есть место, где в конце дня ты можешь побыть наедине с мыслями. И какой бы ни был дерьмовый день, я цепляю на лицо маску счастья.

Я благодарен.

Я завален работой, измучен стрессом, но я благодарен.

Я произношу вслух: *Я благодарен!* Жду несколько секунд, чтобы это прочувствовать. Осознать. Заставляю себя улыбнуться, сбросить с лица напряжение, иначе оно превращается в гримасу гнева. Быстро-быстро шепчу «спасибо» — в воздух, в небо, призракам, незримо присутствующим, пока я говорю сам с собой. У меня есть крыша над головой, одежда, еда каждое утро. У меня есть друзья — они для меня как семья. Я один, но больше не одинок. Тело в порядке, голова работает. Я жив. Жизнь хороша. Я постоянно твержу себе: быть счастливым каждый день. Если бы я не делал так, боль убила бы меня давным-давно.

Я благодарен.

Кто-то стучит в дверь — громко, два раза. Испуганный, я вскакиваю. Стук — слишком официально, большинство из нас не заморачивается правилами этикета. Натягиваю штаны и нерешительно открываю дверь.

Уорнер.

Ошеломленно разглядываю его с головы до пят. Не уверен, что прежде он вот так взял бы и появился у моей двери, и не могу понять, что меня удивляет больше: то, что он здесь, или то, что он выглядит так нормально. Ну, нормально для Уорнера. Он выглядит в точности как всегда. Блестяще. Безупречно. Чересчур спокоен и собран для человека, который накануне расстался с любимой. Вот уж не подумаешь, что именно этого парня я нашел лежащим на полу в приступе панической атаки.

— Кх-кх! — Я кашлем прогоняю остатки сна. — Что случилось?

— Проснулся? — Уорнер смотрит на меня так, будто перед ним не более чем насекомое.

— В шесть, как и положено. Все в этом крыле просыпаются в шесть утра. Что не так?

Он заглядывает в комнату и какое-то время молчит. Потом спокойно говорит:

— Кишимото, если бы я подходил к себе с обычной меркой, как к простому, заурядному человеку, то никогда бы ничего не добился. — Смотрит мне в глаза. — Тебе следует ужесточить требования к себе. У тебя определенно есть способности.

— Э? — Я ошеломленно моргаю. — Ты меня хвалишь, что ли?

Он с невозмутимым видом продолжает в упор глядеть на меня.

— Оденься!

Приподнимаю брови.

— Зовешь позавтракать?

— У нас три неожиданных гостя. Только что прибыли.

— Ох! — невольно отступаю я. — Вот дерьмо!

— Да.

— Еще дети Верховных главнокомандующих?

Уорнер кивает.

— Они опасны? — спрашиваю я.

Уорнер вроде улыбается, однако вид у него несчастный.

— Были бы они здесь, будь иначе?

— Верно, — вздыхаю я. — Точняк.

— Встретимся внизу через пять минут. Введу тебя в курс дела.

— Что, пять минут? — Моему возмущению нет предела. — Не-е, так не пойдет! Мне надо принять душ. Я даже не завтракал!

— Если б ты встал в три, тебе хватило бы времени на все и еще осталось бы.

— Три утра?! — У меня нет слов. — Ты в своем уме?

И когда Уорнер, без всякого намека на шутку, бросает: «Не задерживайся!», мне становится очевидно — парню реально хреново.

Я тяжело вздыхаю и отворачиваюсь. Ненавижу себя за то, что замечаю такие вещи, что мне постоянно до всего есть дело. И это никак не исправить. Еще в детстве Касл раскрыл мне глаза: он сказал, я чересчур жалостливый. Просто взял и объяснил мне, а я всегда ненавидел себя за то, что я слабак. Ненавидел себя, когда горько плакал, увидев в первый раз мертвую птицу. Или за то, что всегда тащил домой бездомных животных; пока Касл в конце концов не приказал мне остановиться, у нас просто не хватило бы средств их содержать. Мне было двенадцать лет. Он заставил всех выпустить, я рыдал неделю. Ненавидел себя за слезы. Ненавидел, что не могу ничего с собой поделывать. Любой на моем месте решил бы: «Забей! Оно тебе надо?» Только не я. Мне надо. Мне всегда надо.

Вот и сейчас мне надо позарез.

Поэтому вздыхаю и говорю:

— Эй, старина... Ты как?

— Прекрасно, — мне в ответ. Быстро и холодно.

Ну вот — получай.

Посмотри лучше на Уорнера. Последуй его примеру. Успокойся и сделай вид, что не замечаешь его воспаленных и натертых докрасна глаз, его вспухших над челюстью желваков. Тебе и своих проблем хватает, у тебя и так полно боли и разочарований, при этом никто даже не поинтересуется, как прошел твой день. Никто не подойдет, не глянет заботливо в лицо, не задумается о том, что ты прячешь под улыбкой. Так почему ты должен переживать о ком-то?

Не должен.

Не лезь к нему, велю я себе.

Хочу сменить тему и открываю рот. Открываю рот, чтобы так и сделать, а говорю:

— Да ладно, брат! Мы оба знаем, что дело дрянь!

Уорнер отводит взгляд. Желваки на его скулах так и заиграли.

— Вчера у тебя был трудный день, — продолжаю я. — У тебя есть полное право и на хреновое утро.

Он долго молчит, потом:

— Я так и не ложился.

Ого, не ожидал.

— Прости. Я понимаю.

Он поднимает голову. Смотрит мне прямо в глаза.

— Ты?

— Да, я!

— Не думаю, что понимаешь. Вообще-то надеюсь, что нет. Я не хочу, чтобы ты знал, каково мне сейчас. Такого и врагу не пожелаешь.

Его слова очень сильно меня задевают. Не знаю что и сказать.

Самое лучшее — уставиться в пол.

— Ты видел ее? — спрашиваю я.

Его тихое «нет» я едва расслышал.

Черт! Мое сердце разрывается от боли за него.

— Не бери в голову, — произносит Уорнер.

Его глаза подозрительно блестят.

— Э-э? Что? Я не...

— Одевайся! — приказывает он. — Жду тебя внизу.

Я, вздрогнув, моргаю.

— Так точно! Иду!

И он исчезает.

Глава 2

Я с минуту стою в дверях, приглаживаю волосы, заставляю себя сдвинуться с места. Сильно болит голова. Я как магнит притягиваю боль. Чужую боль. Она становится моей. Кроме себя, и винить-то некого. Задаюсь вопросом: «А оно мне надо?» — влезаю, куда не просят, и лишь огребаю по полной.

Поворачиваю голову — как больно!

Вот в чем мы с Уорнером точно похожи: оба любим выпустить пар в тренажерном зале. В прошлый раз я переусердствовал с нагрузкой и не сделал в конце тренировки растяжку — теперь расплачиваюсь. Руки поднимаются с трудом.

Набираю побольше воздуха в легкие, выгибаю спину. Растягиваю мышцы шеи. Разминаю плечи.

Слышу — кто-то со свистом пронесется по залу. Лили. Она нарочито подмигивает — достала уже. Мне действительно льстит внимание, я не настолько скромн, чтобы отрицать, что у меня красивое тело, но к Лили я равнодушен. А она каждое утро подтрунивает надо мной за то, что хожу без футболки. Она и Иан. Вместе. Эти двое встречаются втихаря почти два месяца.

— Неплохо выглядишь! — подкалывает Иан. — Это пот или масло для младенцев? Ты так блестяшь.

Тоже мне шутник.

— Трусы цвета фуксии тебе идут, — не отстает от него Лили. — Хороший выбор. Они прекрасно сочетаются с цветом твоей кожи.

Бросаю на нее недоверчивый взгляд. Я, может, и без футболки, но уж точно — смотрю вниз — в тренировочных брюках. Мои трусы абсолютно не видны.

— Как ты можешь знать, какого они цвета?

— А фотографическая память? — Она постукивает себя по виску.

— Лил, рентгеновского зрения у тебя нет.

— Ты носишь фиолетовые трусы? — В зал проникают голос Уинстона и слабый запах крепкого кофе. — Прикольно.

— Да пошли вы все! — не выдерживаю я.

— Эй! Полегче! Тебе запрещено ругаться! — Уинстон грохочет ботинками по бетонному полу, подходит и сквозь смех замечает: — Я думал, у вас с Каслом уговор.

— Вот и неправда! — возражаю. — Мы с Каслом договорились, что «дерьмо» не под запретом.

Уинстон приподнимает брови.

— Во всяком случае, сейчас Касла здесь нет, — бормочу я. — Поэтому повторяю: пошли вы все.

Уинстон смеется, Иан качает головой, а Лили прикидывается оскорбленной, как вдруг...

— А я здесь! И все слышал! — доносится голос Касла из его кабинета.

Вот засада.

Раньше, когда я был подростком, я ругался похуже, и Касл жутко расстраивался. Он твердил, что

беспокоится за меня, что я не умею выражать эмоции без гнева. Он хотел, чтобы я говорил спокойно, подбирая точные слова для своих чувств, а не чертыхался. Касл так переживал, что я согласился обуздать язык. Обещание я дал четыре года назад, о чем уже сто раз пожалел, хоть и уважаю Касла безмерно.

— Кенджи! — Снова Касл.

Знаю — ждет извинений.

Я смотрю через зал и вижу открытую дверь его кабинета. Даже в новых условиях мы живем в тесноте. Уорнер основательно переделал весь этаж, потратил уйму времени и средств, я не жалею, однако...

Спокойствия нет.

Вторжение в личное пространство бесит!

— Виноват! — кричу я в ответ.

Слышу вздох Касла аж из другого конца зала.

— Трогательная сцена раскаяния, — язвит Уинстон.

— Пока! Спектакль окончен, — отмахиваюсь. —

Я в душ.

— Тебе не помешает, — опять подкалывает меня Иан.

Устало качаю головой.

— И как я вас, придурков, терплю?

Иан смеется.

— Слушай, может, поборемся? — Я не отвечаю.

Он продолжает: — Серьезно. Ты в отличной форме. Давай как-нибудь разомнемся в спортзале. Мне нужен партнер для спарринга.

Я слегка успокаиваюсь, киваю и бормочу «до свидания». Направляюсь в свою комнату, чтобы захватить принадлежности для душа, Уинстон увязывается за мной, останавливается в дверях. Только сейчас я замечаю у него в руках бумажный стакан с крышкой.